

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

V



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ НА ВОСТОКЕ

Всякий ценитель книги радостно встретит коллективный труд четырех авторов — А. В. Бунина, Л. А. Ильина, Н. Х. Полякова и В. А. Шкварикова, изданный под заглавием „Градостроительство“ Академией архитектуры СССР в 1945 г. Книга будет очень полезна не только изучающим градостроительство, но и историю архитектуры. Авторы стремятся осветить историческое развитие градостроительства в мировом масштабе на выразительных примерах, с подчеркиванием основных идей и форм, которые характерны для целых периодов, стран или городов. Составители книги „Градостроительство“ особенно ценят „единое художественное целое“ и выделяют те исторические эпохи, в которых „регулярная планировка и регулярная застройка проявлены были с наибольшей полнотой“. По истории градостроительства Западной Европы, Руси, начиная со средневековья, России XVIII—XIX вв. и современного градостроительства читатель найдет здесь интересный, тщательно подобранный материал.

Несколько иначе отнеслись составители труда к Востоку. Архитектура Востока древнего периода, эллинистического и средневекового интересует советского студента не менее, чем строительство Запада в прошлом или античные города древней Греции. Замечательных памятников средневековья, архитектурных ансамблей и городищ эпохи расцвета мусульманской культуры сохранилось в СССР больше, чем в Западной Европе. Не мал вклад средневекового Востока в русскую культуру, и к нему мы должны хорошо присмотреться. Это тем более обязательно, что средневековый Восток унаследовал многое от эллинистического и древне-восточного мира. В свою очередь, благодаря новейшим изысканиям, картина ахеменидского и античного строительства на территории СССР становится все шире и едва ли правильно эти вопросы оставлять совершенно в тени.

Как сообщает предисловие, объем книги, которая должна служить учебным пособием, заставил авторов решить, „какие проблемы следует отодвинуть на второй план“ (Предисловие, стр. 4). Бесспорно, сделать правильный выбор, показать материал в стройной системе, компетентно его осветить — значит обеспечить изданию успех.

При всей необходимости сократить объем книги, есть такие вопросы в развитии градостроительства, мимо которых нельзя пройти. Одна из этих проблем — эволюция круглого или овального города. О том, что таковые существовали в древности, читатель ничего не узнает. Ни градостроительство хеттов вообще, ни овальный план цитадели XII в. до н. э., ни кольцевые стены X—VIII вв., ни название города Самаль (Зенджири)¹ на карте (стр. 8, рис.1) — не упомянуты. Не встретим мы городов круглого плана и в характеристике градостроительства эллинистического периода. А между тем, как удивительно вписан в круглые стены парфянского города (в настоящее время Хатры) громадный прямоугольник не менее, если не более замечательного дворцового ансамбля! Как замечательно кольцо каменных стен Фрааты или Праасын к востоку от озера Урмия!²

Проследившая эволюцию круглых городов, нельзя пройти мимо арсакидского, потом сасанидского Ктесифона, тем более, что расположенная на другом берегу Тигра и более

¹ Ср. Всеобщая история архитектуры. Изд. Академии архитектуры СССР, под ред. В. Н. Владимиров, М. Я. Гинзбурга, И. Л. Маца, С. И. Сахарова, I, М., 1944, стр. 116, табл. 92.

² Arthur Upham Pope, Preliminary Report on Takht-i-Sulayman. I. The Significance of the Site, Bull. of the American Institute for Iranian Art and Archaeology, V, № 2, декабрь 1937, стр. 71—83; Mary Crane, то же, II. The historical Documents; там же, стр. 84—91; Donald N. Wilber. Summary Description of the extant Structures; там же, стр. 92—105.

древняя Селевкия принадлежала к типу хорошо освещенных в гл. 2 городов прямоугольного, регулярного плана. Старший город — Селевкия — продолжал жить вместе с младшим, и арабы объединили этих непохожих друг на друга близнецов в провинцию „ал-Мадаин“, т. е. „Города“. С присоединением к топографии обоих городов на Тигре огромного дворцового района Ктесифона получается грандиозная картина. Отсутствием археологических материалов или литературных источников невозможно оправдать полное забвение градостроительства парфянского государства и Ирана при сасанидах: те и другие известны, хотя не с той полнотой, какая достигнута, например, в изучении Древнего Египта.¹ Насколько парфянские города были значительны и сильны, показывает их роль в истории, в длительной борьбе с Римом; но парфянское и сасанидское градостроительство не упоминается вовсе. Лишь дважды в гл. 7-й „Градостроительство в мусульманских странах. Градостроительство в Китае“ (стр. 130—143) названы сасаниды.

Второй абзац гл. 17-й (стр. 130) начинается следующей фразой: „А между тем мусульманское градостроительство в Средней Азии, Иране и Афганистане опиралось на более древнюю эллинистическую и сасанидскую культуру, без знания которой нельзя объяснить происхождения многих градостроительных приемов“. Высказанное положение верно по существу, но ни предшествующим, ни последующим изложением не оправдано. Не лучше помогут читателю фразы на стр. 136, которые должны обосновать переход к градостроительству XVI—XVII вв. в Исфахане: „Правильно спланированные города в странах мусульманского Востока встречаются довольно редко. Чаще попадаются правильные четырехугольные крепости, восходящие к сасанидскому и эллинистическому периодам“. Если читатель помимо книги „Градостроительство“ сумеет самостоятельно разобратся в подобных загадках, он откроет в соответствующей литературе, что существовали не только сасанидские четырехугольные крепости, но и города прямоугольного плана, к числу которых принадлежал город Шапур в Фарсе.²

В наименьшем заблуждении окажутся читатели первого вводного абзаца к 7-й главе (стр. 130). Слабое знакомство с градостроительством в Средней Азии, Передней Азии и Северной Африке тут объясняется почти повсеместным употреблением неустойчивых материалов. Это утверждение очень слабо; для начала напомним про строительство из камня в Сирии, Заиорданье, Закавказье на протяжении многих веков.

Далее читаем: „Литературные источники, относящиеся к феодальному периоду, в общем таковы, что мы не имеем в своем распоряжении достоверных данных о населении городов, о их экономических связях, политической истории и истории их планировки и застройки. Не много прибавляют к этому и археологические находки. Ибо лишь сплошные раскопки, раскрывающие территорию всего города, дают возможность прочесть историю его планировки, но такие раскопки на Востоке почти не велись“.

Все три процитированные фразы совершенно неверны. Письменные источники, главным образом арабские, относящиеся к феодальному периоду на Востоке, чрезвычайно богаты. Они интерпретировались на русском и западноевропейских языках; они содержат подробные данные о населении городов Ирана, Средней Азии и других ближневосточных стран, о их экономических связях, политической истории и истории их планировки. По полноте и точности эти источники далеко оставляют позади все соответствующие литературные источники для истории культуры Запада.

Нередко сведения арабских источников настолько обстоятельны, что по ним можно восстановить план города. Это относится прежде всего к замечательнейшему городу арабского халифата — Багдаду. Предшествующая столица халифата при династии аббасидов, аль-Рафика—Ракка, имела подковообразный план.³ Правительственный центр Багдада, построенного на правом берегу Тигра халифом аль-Мансуром в 762 г., имел идеальный круглый план. К кольцевому городу примыкали кварталы, заселенные по племенному признаку, т. е. только представителями одного племени в данном участке. Эта сложная композиция завершала серию предшествующих городов лагерного типа, построенных арабами в период их быстрой экспансии. Круглый город Багдад IX в. явился бы для читателей книги „Градостроительство“ олицетворением живого некогда города идеального плана, который был создан за восемь веков до идеальных планов XVII в., существовавших лишь на бумаге, в проекте (см. главу 8 „Ренессанс и барокко“, стр. 150, рис. 151—152).

Примечание 1 к цитированному абзацу на стр. 130 совершенно неуместно в гл. 7-й, которая должна показать строительство Востока, начиная с VII в. В этом примечании „из единичных раскопок городов, производящихся на Востоке“, выделены только раскопки городов IV—II тысячелетий до н. э. Мохенджо Даро и Хараппа в Индии. Вместо

¹ Arthur Christensen. L'Iran sous les Sassanides. 2-me éd. revue et augmentée Copenhague, 1944, стр. 383, сл.

² Раскопки Salles — Ghirchmann, 1935 и в следующие годы; см. Revue des Arts Asiatiques, X, стр. 117, сл.; XII, стр. 12, сл.

³ См. Enzyklopaedie des Islam, III, Leiden — Leipzig, 1936, стр. 1197—1198, под словом „al-Rakka“.

этого было бы гораздо полезнее не в примечании, а в изложении охарактеризовать вскрытые раскопками остатки аббасидской столицы Самарры, грандиозный план которой реконструирован по данным археологии и литературным источникам, особенно по тексту арабского историка Якуби, проф. Ernst Herzfeld. Строителей Самарры нельзя упрекнуть в неумении применить регулярную планировку, учесть данные пейзажа, а в отношении гигиенического оборудования или вентиляции они безусловно превосходили современный им Запад.

Первый анализ мусульманского города в гл. 7-й посвящен Гранаде и Альхамбре — комплексу памятников XIII—XIV вв., второй Исфахану XVI—XVII вв., третий — Самарканду XIV—XV вв., и позже, четвертый — Бухаре и ее памятникам XII—XVI вв. Таким образом, в исследовании избранных авторами городов доминирует географический порядок, от запада к востоку, а не хронологическая последовательность. Составителям учебного пособия для архитектурных высших учебных заведений и техникумов следовало бы иметь в виду более широкую аудиторию: университеты с факультетами и кафедрами восточных языков, истории, археологии, теории и истории искусства Востока. Для всего круга советских студентов, изучающих ту или иную сторону культуры Востока, знакомство с памятниками архитектуры, находящимися в СССР, — первоочередная задача. С этой точки зрения Бухара и Самарканд могли бы претендовать на первые, а не на последние места в главе 7-й. Что касается Гранады и Альхамбры, как полезно было бы прежде показать план Ани, характерного города средневековья, среди типичного пейзажа! После Ани план Альхамбры представил бы дальнейший этап градостроительства мусульманского периода.

В описание Самарканда следует обязательно (вопреки мнению авторов) включить план городища Афрасиаб по изложенным выше соображениям. Город и городище Афрасиаб, как предшественник Самарканда, в русском руководстве уместен не менее, чем план Старого города Дели (рис. 320) рядом с проектом планировки Нового города Дели (рис. 319, стр. 281, 283).

Противопоставление типичных особенностей Самарканда и Бухары можно считать удачным, так же как сопровождающие их иллюстрации и планы. Но план площади Регистан в Самарканде по Буину и Кругловой (рис. 140) заставляет сразу вспомнить еще один излюбленный на Востоке композиционный прием. В описании площади Регистан перечислены три грандиозных медресе: одно из них XV в. и два построенных в XVII в.; при этом авторы констатируют наличие большой мечети, как части медресе Тилля Кари, но умалчивают о том, что и в двух других зданиях на Регистане имелись части подобного назначения. Особенно ясно выделяется на плане рис. 140 вытянутый вширь сводчатый зал с нишей михраба. Далее сообщается, что, согласно среднеазиатской традиции, «Медресе Улуг Бека и Шир-Дор расположены друг против друга на одной общей оси». На симметрию и глубокие сводчатые залы-айваны в оформлении дворовых фасадов всех трех медресе не обращено никакого внимания.

Внимательный студент конечно задумается, как можно эту композицию объяснить и к каким корням эта система восходит. Действительно, в расположение трех медресе у площади Регистан и в оформлении площади Майдан-и Шах в Исфахане заложена идея, одинаковая с оформлением внутривортовых фасадов, прущая древнему строительству Ирана светского характера. Знаменитой арке фасада дворца Так-и Кисра в Ктесифоне соответствовал некогда противоположащий корпус, а в корпусе парфянского дворца в Ашуре установлены четыре симметричных айвана.

На стр. 141—147 в гл. 7-й подробно, с любовью, описан Бэйпин и все детали императорского города, но ни слова не сказано о том, что в планировке Бэйпина при династии Юань отобразилась система, с которой монголы ознакомились в Иране.

Если мы отойдем от градостроительства на Востоке и обратимся к Западу, то увидим, что западное строительство в массе случаев напрашивается на аналогии с восточным. Возьмем градостроительство Франции XVII—XVIII вв. На стр. 181 прекрасно сформулированы «три качества, которыми должна была обладать композиция Версаля: монументальность, парадность и простор». Разве в архитектуре Востока эти качества неизвестны? И сразу припоминается изумительная осевая композиция широко спланированной сасанидской резиденции Каср-и Ширин; к ней приложимы те же три определения, но с добавлением любопытнейшей группировки жилых помещений стандартного типа. Каср-и Ширин несомненный прообраз композиции Тадж Махал, упомянутой в ряду с Джайпуром и Дели (стр. 136).

Остановимся также на разборе конкурсных проектов планировки нового города Канберры в Австралии (стр. 283—286). В анализе их оттенено различие деталей трех проектов, которые получили премии. Любопытно, что в одном из них, у финского архитектора Сааринен, доминировали городки подковообразной формы. В контексте данной главы книги в целом эта идея оставляет впечатление исключительной новизны и абсолютной независимости. И опять вспоминается давний прототип феодального Востока: подковообразный план ранне-аббасидской столицы Ракки. Вряд ли можно допустить, что архитектор Сааринен не знаком с историей архитектуры, и тем поучительнее, что в его композиции прежние старинные элементы используются для достижения совершенно новых, сложных построений.

К сожалению, в книге „Градостроительство“ встречаются неточные описания, искажения названий и терминов. Так, например, неверно определено на стр. 281 направление новой магистрали Нового города Дели: она ведет от правительственного центра не к древнему городу, а к форту Индрапат. В аннотации к плану Старого города Дели, рис. 320, здание частных аудиенций „Диван-и Хасс“ ошибочно названо „Диван-и Шах“. На страницах 135, 136, 137 здание шахской мечети вместо „Масджид“ упорно и совершенно неправильно называется „Меджид-и Шах“. Пояснение относительно ориентации шахской мечети — михраб ее был обращен к Мекке, верно, но неверно отождествление михраба с алтарем: в христианском культе алтарь не только доминирует как важнейшая часть архитектурного целого, но с ним связаны определенные функции культа. Подобной роли михраб никогда не играл. Кроме того, мечеть может функционировать без михраба, при обязательном соблюдении правильной ориентации; может и михраб существовать вне мечети, что и практиковалось на местах многолюдных молитвенных собраний мусульман на открытых, по преимуществу, загородных местах, называемых „мусалла“.

Совершенно непростительна ошибка в названии иранской династии на стр. 130 и 136 „сассаниды“ вместо „сасаниды“; она явно скопирована с французской транскрипции, в которой вторая буква с нужна, чтобы исключить чтение „сазаниды“. Но сасаниды, сасанидская культура и искусство настолько уже освещены в русских исследованиях, что в советской книге не место для подобных искажений.

Книга „Градостроительство“ несомненно будет иметь широкий спрос. Первое издание быстро разоидется. Когда перед авторами и издательством встанет вопрос о втором издании, им придется обратить самое серьезное внимание на указанные выше недочеты.
